

УДК 179.9

**ОТНОШЕНИЕ
К ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
КАК ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ
ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ¹**

А. Г. Мясников

Представлен критический отзыв на статью известного российского кантоведа, профессора А. Н. Круглова «Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления», опубликованную в «Кантовском сборнике» за 2014 год в №3 и 4. Предметом критического анализа стал прежде всего практический вывод статьи, в котором А. Н. Круглов выражает свое негативное отношение к Великой французской революции и двусмысленно высказывает свое неодобрение кантовских позитивных оценок этой революции. Такая двусмысленность может дискредитировать современную практическую философию, которая должна давать обществу ясные, устойчивые основоположения, понятные для большинства читателей. Иначе практические выводы могут быть произвольно истолкованы политиками, идеологами и обычными гражданами в качестве научных рекомендаций, инструкций для принятия различных решений. При этом А. Н. Круглов игнорирует важную кантовскую мысль о том, что социально-политические революции происходят по вине правителей, неспособных вовремя провести необходимые реформы. Именно поэтому насилие и жестокости революции – это не что иное, как возмездие самой природы за социальную несправедливость.

А. Н. Круглов явно противопоставляет друг другу кантовские понятия политической революции и «истинной революции в образе мышления», при этом упуская из виду, что без «устранения личного деспотизма» и «угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев» невозможно достичь «истинного преобразования образа мышления» и что именно политические, подчас страшные, кровавые революции могут освободить общество от такого угнетения.

Дается объяснение кантовской симпатии к Французской революции как «историческому знаку» возможности морально-правового совершенствования человеческого рода через стремление к моральным целям. Политическая революция рассматривается в качестве начального («негативного») этапа просвещения, заключающегося в освобождении от принуждения и от «помочей» опекунов, за которым должен следовать собственно позитивный этап просвещения, предполагающий развитие культуры разума.

Ключевые слова: политическая революция, практическая философия, Кант, Круглов, Просвещение, прагматическое благоразумие, задатки моральности, цель разума.

¹ Пензенский государственный университет

440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Поступила в редакцию: 23.02.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-4-7

© Мясников А. Г., 2015

С большим интересом и удовольствием прочитал первую часть статьи Алексея Николаевича Круглова и, не буду скрывать, ждал выхода следующего номера «Кантовского сборника», чтобы дочитать ее (см.: (Круглов, 2014а, 2014б)). Ведь во второй части должны были содержаться именно практические аспекты кантовской «революции в мышлении», прежде всего аспект политический, связанный с оценкой Великой французской революции и политических революций вообще.

В контексте современной украинской революции и продолжающегося военного конфликта на Украине эта кантовская тема приобрела суперактуальное значение, а значит, философские выводы будут очень востребованы не только российским, но и мировым сообществом. Да и для поддержания научного статуса философии в современной России практические выводы очень важны.

При этом я был удивлен тому, что автор статьи — известный российский историк философии — обратился именно к практической философии, которая предполагает современный социально-философский анализ проблемы несовершеннолетия и истинной революции в мышлении. Эта задача уже обязывает не просто констатировать историко-ментальные и текстологические факты, но и давать им современные оценки, а главное — делать практические выводы для нашей современности, для реальных людей.

Современная жизнь постоянно сопряжена с вопросами о том, что можно, а что нельзя, что должно или не должно делать. Например, совсем недавно группа российских региональных законодателей задумала ограничить права некоторых совершеннолетних граждан, запретив продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года. Идея может показаться полезной для оздоровления якобы деградирующей российской нации, но она заставляет задуматься и о переходе к более зрелому возрасту юридического совершеннолетия. Ведь получается, что с 18 лет можно брать в руки оружие и убивать на войне, можно создавать семью и рожать детей, избирать представителей власти и многое другое, а бутылку водки купить нельзя даже на собственную свадьбу или на похороны убитого на войне товарища.

Итак, для современной научной статьи по практической философии решающее значение имеет вывод, который должен быть недвусмысленным, понятным для большинства читателей, а в итоге — ответственным, так как он может быть использован политиками, идеологами и обычными гражданами в качестве научной рекомендации, инструкции для принятия различных решений. Кстати, именно этой ответственности и не хватает нашей российской обществоведческой науке, и за это ее справедливо критикуют многие сограждане и не ценят власти.

Вывод, предложенный А. Н. Кругловым в конце второй части, сначала меня удивил, потом возмутил и заставил взяться за критический отзыв. Вывод этой статьи я оцениваю как *двусмысленный*, а по своему антиреволюционному пафосу как *субъективный* с научной точки зрения:

«Как только речь заходила о французской революции, Кант больше не желал философствовать», а начинал «учить философии». И я думаю, что именно в этих судьбоносных переменах можно было бы поискать корни многих мерзостей современной общественной и политической жизни, столь далекой от Просвещения: в частности, идеологически мотивированного игнорирования фактов, ослепления пресловутым «прогрессом», нежелания слушать и слышать другого, а также растлевающего господства лицемерия и двойных стандартов» (Круглов, 2014б, с. 49).

Мои аргументы

1. Из заключительного фрагмента статьи *не ясно*, обвиняет ли профессор А.Н. Круглов Иммануила Канта в том, что его непоследовательность в применении собственных практических принципов стала причиной «многих мерзостей современной общественной и политической жизни», или не обвиняет? Насколько я понял из всего контекста статьи, Круглов обвиняет Канта в «идеологически мотивированном игнорировании фактов, ослеплении пресловутым “прогрессом”, нежелании слушать и слышать другого, а также растлевающим господстве лицемерия и двойных стандартов» (Круглов, 2014б, с. 49). С такими обвинениями я категорически не согласен.

Начну с так называемой «непоследовательности» Канта и нарушении им «истинных ценностей Просвещения». Автор статьи пишет по этому поводу:

Таким образом, с определенного времени Кант больше не был готов обходиться с аргументами и возражениями на них в отношении Французской революции привычным для себя образом, не желал смотреть на это событие, в том числе взглядом своих оппонентов, не хотел, мысля, ставить себя на место другого и не был в восторге, когда другие мыслили по этому вопросу своим собственным рассудком, но отличным от него образом (Круглов, 2014б, с. 48).

Я могу объяснить нежелание Канта обсуждать тему Французской революции в застольных беседах тем, что именно прагматическое благообразие в очередной раз подсказало ему воздержаться от общения на эту политически опасную и морально-противоречивую тему, которая сразу же раскалывала собеседников на противоположные партии. Это очень похоже на современное положение в российском обществе в связи с оценкой сталинизма или событиями в Крыму и в Донбассе. Многие думающие люди перестали публично обсуждать эти темы именно из благообразных соображений. Практическая философия Канта учит использовать право на отказ от общения для того, чтобы сохранить собственное (морально-правовое) достоинство и в то же время благообразно не подвергать себя опасностям и жизненным лишениям (Мясников, 2007, с. 101 – 111). Пока революция или война в другой стране не завершена, постоянные публичные дебаты по ее поводу не достойны благообразных людей. Тем более что тот же Кант в своих статьях уже публично высказывал свое определенное отношение к революции во Франции, и каждый желающий мог свободно прочитать его суждения и вдуматься в них.

Поэтому, я считаю, Кант был вполне последователен, так как прекрасно понимал, что настойчивая откровенность в условиях политического деспотизма может принести много жизненных неприятностей и ненужных потерь. Его личный конфликт с Фридрихом Вильгельмом II по вопросам религии был наглядным примером.

2. Кантовское отношение к Французской революции уже достаточно подробно изучено в мировом кантоведении, и сказать что-то принципиально новое вряд ли возможно². Поэтому современным исследователям его

² См.: *Burg P.* Kant und die Französische Revolution. Berlin, 1974; *Böckerstette H.* Aporien der Freiheit und ihre Aufklärung durch Kant. Stuttgart, 1982; *Langer C.* Reform nach Prinzipien Untersuchungen zur politische Theorie Immanuel Kants. Stuttgart, 1986; *Losurdo D.* Immanuel Kant – Freiheit, Recht und Revolution. Köln, 1987; *Deggau H.-G.* Die Aporien der Rechtslehre Kant. Stuttgart, 1983; *Höffe O.* „Königliche Völker“: Zu Kant kosmopolitische Rechts- u. Friedenstheorie. Frankfurt a/M, 2001.

практической философии приходится либо принимать точку зрения Канта, либо полемизировать с ней. А. Н. Круглов выбрал изысканный способ интерпретации — косвенную (замаскированную, осторожную) полемику с Кантом. Для этого он использует во второй части своей статьи обращение к литературно-художественному образу Канта, взятому из романа Марка Алданова «Девятое термидора» (Алданов, 2002). Такой прием свидетельствует о явной симпатии А. Н. Круглова именно к этому художественному образу настоящего революционера духа. Приведенный фрагмент из романа должен убедить читателей, что настоящим революционером был именно Кант, а не Робеспьер или Дантон, ведь политическая революция предстает в романе всего лишь как примитивная борьба за власть без изменения принципов духа. К такой трактовке политической революции, по всей видимости, склонен и сам автор статьи, так как последующие его оценки Французской революции будут явно негативными.

Но как же быть с реальным, а не литературным Кантом, который позволил себе несколько одобрительных высказываний в ее адрес? И более того, он с большим научным любопытством следил за ходом этой революции. Кант четко определил для себя, что революции происходят как природные явления, как результат взрыва народного возмущения, подобного буре (Кант, 1994в, с. 437). В трактате «К вечному миру» он указывает на главную причину народных революций — это дефицит способности суждения правителей («недостаток государственной мудрости»), который приводит к неспособности вовремя провести необходимые реформы (Кант, 1994в, с. 437). Поэтому насилие и жесткости революции — это не что иное, как возмездие самой природы за социальную несправедливость (Мясников, 2005, с. 146–155).

Также я не могу согласиться с утверждением А. Н. Круглова о том, что «в 1790-е годы под впечатлением Французской революции доминирующим у него оказывается довольно плоское социально-политическое значение революции, правда, интерпретируемой им как “знак” исторического прогресса и прогресса в осуществлении естественного права» (Круглов, 2014б, с. 43).

Идея революции или негативной свободы, ставшая реальностью, может казаться «плоской», не столь совершенной, как она представлялась в умозрении; в своей явленности она уже будет тем фактом опыта («явлением»), который может сначала предстать в безобразном виде подобно «гадкому утенку». Также и нынешняя ситуация на Украине может казаться кровавым кошмаром и торжеством анархии, но вместе с тем философский взгляд видит в этом очередной этап взросления украинского народа, его движения от деспотизма к самостоятельности и позитивной свободе. Но в том то и дело, что это подчас страшное «явление» уже может совершенствоваться самими людьми, их разумными усилиями.

Автор статьи приводит важный фрагмент из кантовского сочинения «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»:

Посредством революции можно добиться, пожалуй, устранения личного деспотизма, а также угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя осуществить истинного преобразования образа мышления; новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы (Кант, 1994б, с. 131).

При анализе этого фрагмента А. Н. Круглов сразу смещает внимание с социально-практического аспекта — «устранения личного деспотизма» и «угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев» — на возможности «истинного преобразования образа мышления». Но в том-то и дело, что без первого невозможно и второе: пока не будет устранен личный деспотизм и угнетение людей, не наступит столь желанное преобразование образа мышления большинства членов этого общества³. Не может угнетенный, несвободный, малообразованный человек преобразовать свой образ мышления по-кантовски. Конечно, мы можем допустить, что некоторые выдающиеся личности достигнут такого преобразования, например некоторые профессора философии, но для большинства людей это будет слабое утешение, даже своего рода упрек в неполноценности. Российская история начала XX века дает тому наглядный пример. Пока просвещенная (религиозно-философская) интеллигенция рассуждала о судьбе России и своем предназначении, народ сделал свой революционный выбор — жестокий, кровавый и почти самоубийственный. Такова «буря революции», сметающая всё на своем пути. Поэтому в результате этой «бури», как говорит Кант, нужно видеть очищение, освобождение от оков деспотизма и патернализма, которое предполагает новую, более совершенную правовую форму общественного устройства.

Конечно, в идеале переход к такой зрелой правовой форме должен быть мирным, спокойным и последовательным, то есть результатом планомерного социально-политического реформирования общества. Но, к сожалению, в реальной жизни такое освобождение достается в борьбе, кровавых сражениях, братоубийственных гражданских войнах. Без всякого сомнения, это страшное состояние общества, которое близко к безумию, но за ним стоит могущественная сила справедливости и общая разумная воля к совершенствованию жизни.

По мнению автора статьи, «Кант во Французской революции не видел или не хотел видеть» таких негативных социальных явлений, как «насиловательного “осчастливливания” людей, их инструментализации и их деклассирования до состояния несовершеннолетних» (Круглов, 2014б, с. 44). А мог ли Кант в конце XVIII столетия видеть эти страшные явления XX века? Думаю, что нет. Как известно, он не обладал даром предвидения и прорицания будущего, а значит, и о тоталитарных системах XX века он не мог знать, хотя предполагал, что утверждение свободы в человеческом роде будет очень трудным и длительным процессом. При этом не стоит считать, что Кант не знал о кровавой диктатуре якобинцев, о потоках крови, которыми была залита революционная Франция в 1793—1794 годах. Почему же он не осудил это массовое насилие с точки зрения своего категорического императива? Этот вопрос нависает над практической философией Канта почти как нож гильотины.

Автор статьи осторожно намекает на то, что Кант «не хотел видеть» эти страшные социальные явления революции, хотя как внимательный, подготовленный наблюдатель должен был их заметить в самом зародыше. От такого намека один шаг до очень серьезных обвинений в современных «мер-

³ Хочу обратить внимание на то, что даже в самом названии второго параграфа второй статьи («Революция образа мышления или социально-политическая революция») А. Н. Круглов намеренно противопоставляет друг другу эти два феномена, чтобы подчеркнуть их несовместимость. Хотя в кантовской практической философии они мыслятся как взаимосвязанные феномены.

зостях», о которых уже шла речь. Такая обвинительная логика сразу напомнила мне известную статью Владимира Эрна «От Канта к Крушпу», написанную в начале Первой мировой войны, в которой философия Канта представлена ядром идеологии немецкого милитаризма. Как пишет Эрн, «под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружались хищные кровожадные когти» (Эрн, 1914, с. 116). Наверное, сто лет назад российский философ мог себе позволить такую «патриотическую вольность», но в XXI веке она представляется не более чем субъективным мнением, близким к произвольному художественно-поэтическому сравнению.

3. Попробую ответить на вопрос «Почему Кант не осудил массовое насилие французских революционеров с точки зрения своего категорического императива?» следующим образом. Для этого я буду обращаться к сочинению «Спор факультетов», в котором Кант достаточно подробно раскрывает свое отношение к Французской революции. В набросках к этому сочинению он высказывает такую мысль-вопрос: «Почему Французская революция находит такое всеобщее одобрение, доходящее до энтузиазма тех, кто не терпит от нее вреда...» (Кант, 2006, с. 226). В самом тексте «Спора» Кант также указывает на одобрение революции со стороны тех, кто «не вовлечен в эту [очень опасную] игру» (Кант, 2002, с. 202).

Кант ясно понимает, что те люди, которые вовлечены в «бурю революции» (тем более, те, кому причинен вред от насилия и беззакония), вряд ли будут ее одобрять. С точки зрения прагматического благоразумия революция — это страшное бедствие, «опаснейший эксперимент», который может привести к огромным несчастьям. Кант полностью согласен с этими благоразумными доводами, и к тому же чистый практический разум также запрещает любое насилие и войну как таковую. Следовательно, диктатура якобинцев, рассмотренная как совокупность человеческих деяний, — *вне закона* и юридического, и морального.

И всё же в революции как внеисторическом (морально-правовом) *событии* Кант и многие другие современники ясно обнаруживают справедливые *цели* восставшего народа, которые и вызывают моральное сочувствие и «одобрение, доходящее до энтузиазма». Как отмечает современный культуролог М. Ямпольский, Кант выбирает для себя позицию «зрителя» — независимого наблюдателя, так как «участник события не может быть бескорыстен и свободен» (Ямпольский, 2004, с. 415). Отстраненный, независимый «зритель» оценивает произошедшее событие в более общем контексте, а главное в более общей перспективе развития всего человечества.

Кант задает перспективу развития моральных задатков человеческого рода. По его мнению, именно «моральное начало в человечестве» вызывает одобрение и «отклик, граничащий с энтузиазмом», далее поясняя:

Данная морально воздействующая причина двояка: во-первых, она определяется *правом*, требующим, чтобы другие силы не препятствовали народу принимать такую конституцию, которая представляется ему наилучшей; во-вторых, — *целью* (которая одновременно и есть долг) считать *законной* и моральной лишь ту конституцию народа, которая по своей природе принципиально отвергает агрессивную войну, а таковой может быть, по крайней по своей идее, только республиканская конституция (Кант, 2002, с. 202).

Таким образом, именно *цели* восставшего народа, такие как свобода и гражданская конституция, вызывают одобрение, а не случайные средства их

достижения (в виде насилия и массового террора), которые Кант категорически отвергает. Эти цели каждый человек может оценить собственным разумом, поставив их перед собой как желанные блага. При этом Кант с полной уверенностью утверждает, что «подобное событие в истории человечества *не будет забыто*, потому что оно вскрыло в человеческой природе задатки и способность к совершенствованию...» (Кант, 2002, с. 208).

Что же получается? Нельзя обвинять Канта в том, что он не осуждает насилие революционеров, так как он неоднократно говорит в своих сочинениях об опасностях революционной смены власти и недопустимости права на сопротивление действующей власти (Deggau, 1983. S. 65–98). Но как философ он видит в случившейся Французской революции тот «исторический знак», который указывает на моральную цель человеческого разума, а именно на движение к «всемирному гражданскому обществу» (Кант, 2002, с. 218). И на этом пути философы должны играть очень важную роль, как говорит Кант, быть «свободными учителями права», теми «просветителями» (Кант, 2002, с. 212), которые убеждают сограждан в возможности движения к лучшему, а именно в возможности прогресса «*легальности*».

Заключение

В заключении я хотел бы вернуться к вопросу об отношении между политической революцией и революцией в мышлении. В статье современный кантовед А. Н. Круглов пытается противопоставить эти понятия и признать политическую революцию (на примере Великой французской) антиподом «истинной революции в образе мышления», в результате которой люди становятся свободными, самостоятельно мыслящими, в кантовском смысле «совершеннолетними». При этом возникают вопросы: такой переворот в мышлении происходит у всех сразу в конкретном обществе или у каждого по отдельности? И в каком возрасте?

Здравый смысл и исторический опыт подсказывают, что это «превращение» в мышлении и в поведении человека происходит всегда индивидуально, и в этом его принципиальное отличие от наступления юридического совершеннолетия. Также и возраст вступления в кантовское «совершеннолетие» будет всегда индивидуален, так как это зависит от многих обстоятельств: психофизиологических особенностей человека, социально-экономических и политических условий, а также от условий его воспитания и образования. Кант подчеркивает, что взрослый человек (юридически совершеннолетний) остается в «несовершеннолетнем» состоянии именно «по собственной вине» (Кант, 1994б, с. 127), а это значит, что на каждом «несовершеннолетнем» (взрослом) человеке лежит персональная моральная ответственность за свое состояние.

Тогда возникает другой вопрос: а что может побудить человека выйти из состояния «несовершеннолетия», которое ему может быть даже очень удобным и выгодным? Ведь быть свободным, самостоятельно мыслящим, ответственным человеком — очень тяжело, трудно, для этого необходимо иметь хорошее образование, соответствующее «не холопское» воспитание; и жить в демократическом государстве, в котором ценятся эти личные качества. Исторический опыт России и других стран показывает, что многие взрослые люди не хотят выходить из своего «несовершеннолетия», так как им удобно быть зависимыми и не отвечать за свои поступки, а также они не верят в возможность своей свободы. Так, например, около 80 % современных россиян считают себя несвободными людьми.

А причем же здесь политическая революция? — спросит читатель.

Политическая революция оказывается своего рода природным принуждением к большей свободе. Когда люди не могут больше терпеть материальные лишения, унижения собственного достоинства, не хотят терпеть такой степени зависимости от своих господ или деспотического государства; то есть внутреннее сопротивление своему несвободному («несовершеннолетнему») состоянию становится настолько большим и массовым, что это рождает «бурю революции» — неуправляемую, незаконную, страшную по своим возможным последствиям, но вместе с тем освобождающую, очищающую, как говорит Кант, от прежних «оков деспотизма».

Конечно, такое природное принуждение к свободе далеко не всех приводит к подлинному освобождению или «совершеннолетию», но может создать более благоприятные условия, прежде всего правовые, для положительного развития каждой личности. Поэтому, оценивая сегодня результаты произошедших политических революций, в том числе и Великой французской или Великой октябрьской революции, я могу сказать, что они привели к улучшению общественной жизни, хотя и сопровождалась массовым насилием и Гражданской войной. И это является частью той естественной необходимости, которая заключена в человеческой природе: это результат изначального зла в каждом человеке, которое невозможно полностью искоренить или подавить. Но человека можно воспитывать и образовывать.

Воспитательно-просветительская функция практической философии будет заключаться в формировании базовых принципов или правил свободного мышления. На них обращает внимание известный современный кантовед Норберт Хинске в замечательной книге «Кант, бросающий вызов современности» (Hinske, 1980), которая до сих пор малоизвестна российскому читателю, в том числе и кантоведам.

Первое правило свободного мышления представляет собой «максиму сдержанности и осторожности по отношению к мнениям других людей» (Hinske, 1980, S. 58). Это правило учит избегать ненужного острия критики и не разрушать основу совместной деятельности людей бесконечными спорами, ведь все люди заинтересованы в приращении знаний как общечеловеческого богатства.

Второе правило гласит: в суждениях любого другого человека нужно искать момент истины, так как тотальное заблуждение невозможно. И прежде всего, как говорит Кант, необходимо «начинать с уважения другого мнения», чтобы «выйти за рамки своего эгоизма» и «преодолеть предрассудки своего мышления» (Hinske, 1980, S. 61).

Третье правило требует «мыслить себя на месте другого». Оно представляет собой, по словам Хинске, максиму «либеральности» или «широкого способа мышления», который способствует беспристрастному отношению к различным точкам зрения (Hinske, 1980, S. 62).

И *четвертое правило* является самым сложным для практического исполнения, но вместе с тем наиболее важным для развития морального характера и образа мышления — «не бояться признавать свои заблуждения» и ошибки (Hinske, 1980, S. 63). Как отмечает Норберт Хинске, эти правила во многом отчеканили мышление Канта, и именно они стали необходимыми условиями той революции в мышлении, к которой может быть причастен каждый человек.

Подводя итог своим рассуждениям, я хотел бы определить политическую революцию в качестве начального («негативного») этапа просвещения, который заключается в «освобождении от принуждения и от “помочей” опекунов» (Круглов, 1994б, с. 31), за которым должен следовать собственно позитивный этап просвещения, предполагающий развитие культуры разума, основанной на четырех вышеприведенных правилах и на принятии требований категорического императива. Хотелось бы надеяться, что в XXI веке многие люди и общества шагнут ко второму этапу просвещения — к позитивной свободе, а понятие же политической революции уйдет в историю, а ее место надежно займут демократические выборы.

Список литературы

1. Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Мыслитель: Девятое термидора. Чертов мост. Заговор. Святая Елена, маленький остров. Тетралогия. М., 2002.
2. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Собр. соч. на немецком и русском языках. М., 1994а. Т. 1.
3. Кант И. К вечному миру // Там же. 1994в. Т. 1.
4. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Там же. 1994б. Т. 1.
5. Кант И. «Скандалный фрагмент» // Мясников А.Г. Революция в способе мышления как системная проблема философии И. Канта. Екатеринбург ; Пенза, 2006.
6. Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 202.
7. Круглов А. Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления // Кантовский сборник. 2014а. №3 (49). С. 19–39.
8. Круглов А. Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления // Кантовский сборник. 2014б. №4 (50). С. 39–53.
9. Мясников А. Г. Критика политического деспотизма у Канта и Робеспьера // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта : тр. междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. Калининград, 2005. Ч. 2. С. 146–155.
10. Мясников А. Г. Противоречит ли отказ от общения кантовскому безусловному долгу правдивости? // Философские науки. 2007. №9. С. 101–111.
11. Эрих В. От Канта к Крупшу // Русская мысль. 1914. №12. С. 116–124.
12. Ямпольский М. Энтузиазм // Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. М., 2004.
13. Böckerstette H. Aporien der Freiheit und ihre Aüfklärung durch Kant. Stuttgart, 1982.
14. Burg P. Kant und die Französische Revolution. Berlin, 1974.
15. Deggau, H.-G. Die Aporien der Rechtslehre Kant. Stuttgart, 1983.
16. Langer C. Reform nach Prinzipien Untersuchungen zur politische Theorie Immanuel Kants. Stuttgart, 1986.
17. Losurdo D. Immanuel Kant — Freiheit, Recht und Revolution. Köln, 1987.
18. Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. Freiburg, 1980.
19. Höffe O. „Königliche Völker“: Zu Kant kosmopolitische Rechts – u. Friedenstheorie. Frankfurt a/M, 2001.

Об авторе

Андрей Геннадьевич Мясников – д-р филос. наук, проф. кафедры методологии науки, социальных теорий и технологий Пензенского государственного университета, myasnikov-g@mail. ru

ATTITUDE TO POLITICAL REVOLUTION AS A TOUCHSTONE
FOR PRACTICAL PHILOSOPHY

A. G. Myasnikov

This paper presents a critical review of an article by the eminent Russian Kantianist Prof A. N. Kruglov published under the title "Immaturity and the objective of a true reform in ways of thinking" in Kantovsky Sbornik (issues 3 – 4, 2014). The critical analysis focuses on the practical conclusion, in which Prof Kruglov expresses his negative attitude to the French Revolution and shows ambiguous disapproval of Kant's positive attitude to it. This ambiguity can discredit modern practical philosophy, which has to present to the society clear and stable statements that can be understood by most readers. Otherwise, practical conclusions can be arbitrarily interpreted by politicians, ideologists, and general public as scientific recommendations and guidelines for decision-making. Moreover, Prof Kruglov ignores Kant's important thought about socio-political revolutions being the fault of rulers incapable of implementing necessary reforms. Therefore, the violence and cruelty of revolutions are nothing but the nature's vengeance for social injustice.

Prof Kruglov juxtaposes Kant's notions of political revolution and 'true reform in ways of thinking' neglecting the fact that, without a 'falling off of personal despotism and of avaricious or tyrannical oppression', it is impossible to achieve a 'true reform in ways of thinking' and that cruel political revolutions can liberate the society from such oppression.

The paper explains Kant's positive attitude to the French revolution as a 'historical sign' of the possibility of moral and legal improvement of humanity through striving for moral goals. Political revolutions are considered as the initial ('negative') stage of enlightenment consisting in the liberation from coercion and 'assistance' from guardians. This stage should be followed by the positive stage of enlightenment suggesting the development of culture of reason.

Key words: political revolution, practical philosophy, Kant, Kruglov, Enlightenment, pragmatic prudence, moral predispositions, purpose of reason.

References

1. Aldanov, M. A. 2002, Devyatoe termidora [The Ninth Thermidor]. In: Aldanov, M. A. *Myslitel'. Tetralogiya* [The Thinker, a tetralogy]. Moscow.
2. Kant, I. 1994a, O pogovorke „Mozhet byt', eto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki“ [Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 1. Moscow.
3. Kant, I. 1994b, K wechnomu miru [Zum ewigen Frieden]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 1. Moscow.
4. Kant, I. 1994c, Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?] In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 1. Moscow.
5. Kant, I., 2006 «Skandal'nyj Fragment» [Das sog. „Krakauer Fragment“]. In: Myasnikov A. G. *Revoluzija w sposobe mushchenija kak sistemnaja problema filiosofhii Kanta*. Ekaterinburg, Penza, p. 219 – 227.
6. Kant, I. 1994d, Spor fakul'tetov [Der Streit der Facultäten]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii*, 8 Vols. [Works in 8 volumes], ed. by A. V. Gulyga. Vol. 7. Moscow.
7. Krouglov, A. N. 2014a, Nesowerschennoletie i sadacha istinnogo preobrasowanija obrasu mushchenija. Chast' I. [Immaturity and the task of a true reform in ways of thinking. Part I.]. In: *Kantovsky Sbornik*, №3 (49), p. 19 – 39.
8. Krouglov, A. N. 2014b, Nesowerschennoletie i sadacha istinnogo preobrasowanija obrasu mushchenija. Chast' II. [Immaturity and the task of a true reform in ways of thinking. Part II.]. In: *Kantovsky Sbornik*, №4 (50), p. 39 – 53.

9. Myasnikov, A.G. 2005, Kritika političeskogo despotizma u Kanta i Robesp'era [Criticism of political despotism at Kant and Robespierre]. In: *Kant mezhdu sapadom I wostokom. K 200-letiju so dnja smerti i 280-letiju so dnja rozhdenija Immanuila Kanta: Trudu mezhdunarodnogo seminara i mezhdunarodnoj konferenzii: W 2 zh. / Kaliningrad. Zh. II.*, p. 146–155.
10. Myasnikov, A.G. 2007, Protiworechit li otkas ot obchsenija kantowckomu besuclownomu dolgu prawdiwosti? [Whether refusal of communication contradicts a Kant unconditional debt of truthfulness?]. In: *Filosofskie nauki*, №9, p. 101–111.
11. Ern, W. 1914, Ot Kanta k Kruppu [From Kant to Krupp]. In: *Russkaja musl'*, p. 116–124.
12. Böckerstette, H. 1982, *Aporien der Freiheit und ihre Aufklärung durch Kant*. – Stuttgart.: fromman-holzboog,
13. Burg, P. 1974, *Kant und die Französische Revolution*. Berlin.
14. Deggau, H.-G. 1983, *Die Aporien der Rechtslehre Kant*. Stuttgart.
15. Langer, C. 1986, *Reform nach Prinzipien Untersuchungen zur politische Theorie Immanuel Kants*. Stuttgart.
16. Losurdo, D., 1987, *Immanuel Kant – Freiheit, Recht und Revolution*. Köln.
17. Hinske, N., 1980, *Kant als Herausforderung an die Gegenwart*. Freiburg.
18. Höffe, O., 2001, „Königliche Völker“: *Zu Kant kosmopolitische Rechts- u. Friedens-theorie*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

About the author

Prof. *Andrej Myasnikov*, chair methodologies of science, social theories and technologies, Penza State University, myasnikov-g@mail.ru